

Методическое наследие Федора Ивановича Буслаева (К 200-летию со дня рождения)

Статья посвящена вкладу выдающегося русского ученого Федора Ивановича Буслаева в становление методики преподавания русского языка. Взгляды Буслаева, нашедшие отражение как в его лингвистических трудах, так и в учебных изданиях, определили дальнейшее развитие отечественной педагогики, не утратив своего значения и в настоящее время.

Ключевые слова: *Федор Иванович Буслаев; методика преподавания русского языка; историческая грамматика; родной язык.*

Marina A. Bondarenko

Methodological Heritage of Fedor Ivanovich Buslaev (For 200th Anniversary of the Birth).

The article is dedicated the outstanding scientist Fedor Ivanovich Buslaev's contribution into formation of Russian language teaching methodology. Buslaev's ideas pictured in his linguistic works and in study editions destined the further development of Russian pedagogy and don't grow stale nowadays.

Key words: *Fedor Ivanovich Buslaev; Russian language teaching methodology; historical grammar; native language.*

Имя Федора Ивановича Буслаева по праву стоит на первом месте не только среди имен отечественных лингвистов, посвятивших свою жизнь изучению русского языка: оно занимает первую строку в списке ученых, которые определили развитие методики преподавания родного языка. Сказать, в какой из этих областей деятельность Буслаева принесла более пользы нашему отечеству, практически невозможно.

Он вошел в русскую науку именно как методист, когда в 1844 г. издал свою знаменитую книгу «О преподавании отечественного языка». Даже если бы Буслаев не создал более ни одного труда, он остался бы в истории как человек, который определил место отечественного языка в системе обучения и основу, на которой это обучение зиждется: «родной язык есть неисощимая сокровищница всего духовного бытия человечества» [Буслаев 1992: 26]; «родной язык развивается и уясняется по законам самой природы... на первой ступени

юношеского возраста родной язык и личность совпадают друг с другом» [Там же: 68].

Было Буслаеву в пору издания этой книги 26 лет. За его плечами шестилетний педагогический опыт — преподавания в дух московских гимназиях, II и III, и частной практики: он являлся домашним учителем сначала в семье гофмаршала барона Л.К. Боде, а затем у детей графа С.Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа. С семьей последнего Буслаев в течение двух лет путешествовал по Европе, знакомясь с выдающимися достижениями европейской цивилизации, что способствовало формированию его энциклопедизма.

Конечно, не стоит исключать из этого числа и годы учения Буслаева в четырехлетней пензенской гимназии, из которой он вынес «любовь к науке, которая потом навсегда сделалась предметом и целью» всей его жизни [Буслаев 1897: 86]. Принято упоминать, что одним из учителей Буслаева был В.Г. Белинский, да и сам Федор Иванович запечатлел этот факт в своих мемуарах: «...Белинский был моим учителем русского языка в 1829 г., когда я только что поступил в первый класс гимназии, а он, только что кончивши в ней курс, не мог за недостатком средств отправиться в Московский университет, как он намеревался, и, оставаясь в Пензе, в звании ученика гимназии, занимал вакантную должность учителя» [Там же: 46]. Однако более интересен его рассказ об учителе Я.П. Евтропове и о тех приемах в обучении

Марина Анатольевна Бондаренко, кандидат педагогических наук, профессор

E-mail: marbondina@mail.ru

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

ул. Лобачевского, д. 90, Москва, Россия

Academy of Labour and Social Relations

90 Lobachevsky Str., Moscow, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Бондаренко М.А. Методическое наследие Федора Ивановича Буслаева (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2018. — № 4. — С. 42–47. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-4-42-47.

родному языку, которые он применял, поскольку то, что испытал на себе Буслаев как гимназист, ляжет в основу его представления о практической основе усвоения родного языка:

В ту пору господствовал очень хороший обычай... который много способствовал укреплению нас в правописании и давал обильный материал для выработки нашей речи и слога. Книги были тогда редкостью... а когда достанешь у кого-нибудь желаемую книгу, дорожишь ею как диковинкой и перед тем, как воротить ее назад, непременно для себя сделаешь из нее несколько выписок, а иногда и целую повесть или поэму в стихах, не говоря уже о мелких стихотворениях... Таким образом, у каждого из нас была своя рукописная библиотека.

Эта литературная забава способствовала развитию в нас охоты к сочинительству, которую Евтропов умел пользоваться с успехом, постоянно упражняя нас в письменных работах. Темы для них, разумеется, он давал сам, но иногда позволял нам брать и свои. Сочинения эти мы обыкновенно писали в классе, если они небольшого размера, а более обстоятельные изготовляли на дому [Там же: 61–62].

Судя по воспоминаниям Буслаева, вступление после окончания словесного факультета Московского университета в учительскую должность во II гимназии не оставило никакого следа в его памяти, зато при обучении сына барона Боде двадцатилетнему Федору Ивановичу пришлось потрудиться над тем, чтобы выработать подходы к обучению своего ученика.

Свой метод обучения Буслаев описывает так:

Положив в основу наших занятий чтение и рассказ или письменное изложение прочитанного, я соединил вместе уроки истории с изучением языка, слога и литературы, разумеется, придерживаясь для себя некоторой системы в постепенном ознакомлении моего ученика с каждым из этих разнородных предметов... [Там же: 135–136].

Так, в ежедневном поиске наиболее удачного варианта обучения в течение нескольких лет накапливался практический опыт педагога. Поиск наилучшего способа обучения русскому языку и словесности продолжит Буслаев и в III гимназии, куда будет определен после возвращения из заграничного вояжа, где он «целые два года тратит на изучение Данта, скульптуры и живописи» [Кирпичников 1898: 153]. Для понимания масштаба личности Ф.И. Буслаева последнее замечание так же важно, как

и свидетельства приобщения будущего большого ученого еще в университете к занятиям русской стариной. А.И. Кирпичников, один из учеников Ф.И. Буслаева, профессор, член-корреспондент Академии наук, оставивший прекрасный очерк о личности педагога, объяснил занятия Буслаева археологией и историей итальянского искусства так: «Буслаев, как и все лучшие профессора того времени, никогда не был узким специалистом; оттого он и создал не одну школу, а ряд школ» [Там же: 154].

Не менее значима и оценка невероятной трудоспособности Буслаева, которая не может не удивлять не только людей, знавших о его слабом здоровье, но и любого другого человека. Во-первых, по возвращении из-за границы Буслаев усердно трудится в III гимназии, где преподает в реальных классах, причем тщательно готовится к урокам с использованием, выражаясь современным языком, новых методов обучения, чем вызывает понимание и уважение коллег:

Федор Иванович позволял себе иногда расширять курс, рассчитывая, что животрепещущие новости ученых открытий скорее всего пробудят в молодой душе любовь к знанию, к науке. В самом деле, что, как не живой образ человека, всецело преданного своему делу, будит в душе нашей любовь к этому делу. Знания, как бы обширны ни были, могут позабыться, да и действительно забываются, лишь только ученик переступает порог школы. Но то живучее зерно науки, которое коренится в пробудившемся интересе к знанию, никогда не умрет [Виноградов 1889: 46].

В это же время Буслаев серьезно углубляет свою теоретическую подготовку: читает дидактические труды немецких ученых, изучает грамматику немецких наречий Я. Гримма, труды по сравнительному языкознанию Ф. Боппа, занимается санскритом, готовится к магистерскому экзамену, публикует статьи в литературных журналах, выполняет поручения С.Г. Строганова «по распространению надлежащего метода в обучении русскому языку и словесности в училищах и гимназиях Московского учебного округа» [Буслаев 1897: 272], составляет циркуляры и готовит брошюры для рассылки по учебному округу. И — пишет книгу «О преподавании отечественного языка».

Возможно, истоки такой выносливости Буслаева — в той силе духа, которая возростала в нем с самого детства: «несчастье сильно способствует развитию детей. Будучи

только двенадцати лет, я уже чувствовал и поступал как взрослый, когда дело касалось моей злополучной матери» [Там же: 56]. Мать его овдовела, когда Федору было всего лишь пять лет, а второй брак принес ей одни несчастья, в которых единственной опорой для нее был старший сын.

Содержание своей книги, состоящей из двух частей, сам Буслаев в воспоминаниях характеризует так:

Первая содержит в себе дидактические правила и приемы, как преподавать этот предмет, собранные мною по указанию графа в материалах и пособиях его богатой библиотеки, а вторая — мои исследования по русскому языку и стилистике во множестве более или менее объемистых заметок, накопившихся у меня по мере того, как я готовился к магистерскому экзамену [Там же: 281].

Книга молодого педагога вызвала самые разные отклики: многие прогрессивные педагоги, общественные деятели и ученые высоко оценили это сочинение, а «Библиотека для чтения», например, в лице редактора О. Сенковского (Барона Брамбеуса) обрушилась на него с критикой, к которой присоединилась «Северная пчела» Ф. Булгарина и Н. Греча. По грамматике последнего обучались в то время во всех гимназиях, причем учебник этот давно уже не соответствовал запросам прогрессивной части учительства. Именно желание уйти от схоластической, тяжеловесной теории, отраженной в трудах известных русских грамматистов и предлагавшей изучение русского языка по образу и подобию классических и иностранных языков, т.е. языков чужих, двигало молодым ученым в его поисках:

Язык в теперешнем его составе представлялся мне результатом многовековой переработки, которая старое меняла на новый лад, первоначальное и правильное искажала и вместе с тем в своеземное вносила новые формы из иностранных языков. Таким образом, весь состав русского языка представлялся мне громадным зданием, которое слалось, переделывалось и завершалось разными перестройками в течение тысячелетия... Современная книжная речь была главным предметом моих наблюдений... Карамзин и Пушкин были мне авторитетными руководителями в моих грамматических соображениях... Этот великий поэт всегда ратовал за разумную свободу русской речи против беспощадного деспотизма, против условных, ни на чем не основанных предписаний и правил грамматики Греча, которая тогда повсеместно господствовала. Еще на студенческой скамейке

из лекций профессора Шевырева я оценил и усвоил себе это заветное убеждение Пушкина и старался сколько мог провести его в своих разрозненных исследованиях о языке и слоге, помещенных во второй части моего сочинения «О преподавании отечественного языка» [Там же: 282–283].

Помимо того, что работа Буслаева заложила основы научного подхода к методике преподавания русского языка, она фактически стала сигналом к обсуждению проблем, которые накопились в образовании, прежде всего в отношении к родному языку, которому в учебных заведениях предпочитались иностранные языки. Распространенной практикой было требование к гимназистам вне классов говорить только по-французски.

Огромной заслугой Ф.И. Буслаева стало возбуждение интереса к отечественному языку, то, что он, в силу особенностей, которые были свойственны всем трудам ученого, не только «положил основание науки о русском языке в нашем отечестве», но и «стремился сделать эту существенную для нас отрасль познания достойным всего образованного общества, а не замкнутого круга специалистов» [Войнаховский 1898: 70].

Первая часть книги, дидактическая, являлась и самой спорной, поскольку отражала такие подходы к изучению родного языка, в которых Буслаев «далеко обошел современную ему русскую школу. Он доказывал, что родному языку нельзя обучать, как чужому, что нельзя подчинять учение искусственной, рутинной системе... изгонял из младших классов теоретическую грамматику, как сборник полицейских предписаний, требовал для высших классов грамматики сравнительно-исторической, считал звуковой метод обучения грамоте прочно у нас установившимся, и все это в 1844 г., обращаясь к учителям, которые задавали ногтем *отселева доселева*... к педагогам, которые не учили, не воспитывали, а исполняли устоявшиеся служебные обязанности... Конечно, для 99 из ста таких школьных деятелей проповедь Буслаева была гласом вопиющего в пустыне» [Кирпичников 1898: 156 — 157].

Книга «О преподавании отечественного языка» должна была подвести черту под гимназическим периодом деятельности Буслаева (сам он называл ее «по-сильной данью»). Однако несмотря на то, что, перейдя в университет, Буслаев будет

заниматься прежде всего лингвистическими исследованиями, о чем свидетельствуют названия его главных трудов — магистерской диссертации «О влиянии христианства на русский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» (1848), книги «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858), связанной с последним трудом «Исторической хрестоматией церковнославянского и древнерусского языков» (1861), а также древнерусским искусством, результат изучения которого отразился в большом двухтомном издании «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861), он продолжит и свою новаторскую методическую деятельность.

Связано это будет со стремлением Я.И. Ростовцева, начальника военно-учебных заведений, «приподнять в этих заведениях науку до надлежащего уровня современных требований» [Буслаев 1897: 326]. Для чего Ростовцевым было подготовлено «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», вышайше подписанное 24 декабря 1848 года. Это руководство определяло цели воспитания и обучения, а также объем и методы каждой дисциплины. Для составления учебных пособий и программ были приглашены лучшие преподаватели военно-учебных заведений — И.И. Введенский и А.Д. Галахов (см.: [Бондаренко 2013: 45]).

Буслаеву было предложено составить руководства для учителей — грамматику и хрестоматию. Кроме того, он принял самое активное участие в доработке программы Галахова, составив в курсе русской словесности отдел истории языка и слога и разработав курс преподавания грамматики. Составленная Буслаевым и Галаховым программа была утверждена в 1852 г. Помимо собственно программы, в этой работе были представлены методические материалы и образцы упражнений. В течение двух десятилетий данная программа являлась основой при разработке и составлении программ и руководств, послужив образцом для программ в учебных заведениях и других ведомств.

Результатом работы по поручению Управления военно-учебными заведениями стали подготовленные Буслаевым методические труды, адресованные учителям, и пособия для учащихся. В руководстве «Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей»

в двух частях («Этимология» и «Синтаксис», 1858), помимо необходимых учителю научных сведений, представлено большое число интересных примеров из древнерусских текстов и из народного творчества, помогающих увидеть языковые единицы как в книжной, так и в народной речи. И современный учитель может воспользоваться этим трудом, помогая пытливым современным учащимся, понять, например, каковы пути появления в русском языке сложных слов и встречались ли сложные слова в русском языке до испытанного им воздействия со стороны греческого и старославянского языков (см.: [Буслаев 1858: 152–154]).

Две другие работы подготовлены были как для учителей, так и для учащихся. Это «Учебник русской грамматики, сближенный с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора» и «Русская хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков». Давая оценку первой из них, П.А. Виноградов, преподаватель III московской гимназии, пишет: «И вот в 1869 г. явился его учебник. По внешнему виду книга не бьет на эффект: нет здесь кричащих заглавий, вычурных слов, и система за небольшим исключением оставлена прежняя. Но не в системе дело, не в ней сила преподавания: учебник не должен, по выражению Ф.И., заслужить собой живое дело преподавателя; его назначение главным образом быть справочной книгой для ученика... Значение ее то, что ею упрочена была научная постановка преподавания грамматики в гимназиях» [Виноградов 1898: 51].

Основную идею Ф.И. Буслаева, которая отражается во всех программах и учебных пособиях, подготовленных ученым, педагог комментирует так: «Главный предмет, на котором должно сосредоточивать внимание на русских уроках в средней школе, это — язык во всех разнообразных его явлениях... познакомить с языком он хотел бы не в отвлеченных положениях грамматики, а во всей непосредственности его явлений, во всем разнообразии его сокроищ» [Там же: 50].

По грамматике Буслаева, неоднократно переиздававшейся, много лет велось преподавание в гимназиях, а воззрения, заложенные в основу его учебника, прежде всего классификация частей речи и подробно разработанная синтаксическая система, определили систему школьного обучения. Под влиянием «Исторической грамматики»

Буслаева в 1867 г. В.Я. Стоюнин пересмотрел свой «Высший курс русской грамматики», на ее основе Л.И. Поливанов подготовил «Краткий учебник русской грамматики (синтаксис и этимология) для учеников трех первых классов средних учебных заведений».

Педагогические идеи, которые были заложены в созданные Буслаевым труды, намного опередили свое время, потому и до сих пор остаются современно звучащими. К их числу относится идея личностно-ориентированного обучения: главное при изучении грамматики для Буслаева — это развитие личности ученика, с его индивидуальными потребностями и способностями, а не сухая наука, изложенная в учебниках Греча и Востокова, которые не способны вызвать интерес и желание учиться, не способны воспитать любовь к родному языку, желание серьезно заниматься наукой. При этом знания, которые учитель передает ученикам, по Буслаеву, должны основываться на последних достижениях филологии, а выбор способов обучения остается за учителем, которому необходимо руководствоваться в своей деятельности другой наукой — методикой.

Еще одна идея, которая отражена в методических трудах Буслаева, на сегодняшнем педагогическом языке может звучать как идея межпредметных связей. По мысли Буслаева, только совместная деятельность всех педагогов может способствовать развитию заложенного в личности каждого ученика природного дара слова. В параграфе «Отношение отечественного языка к прочим предметам преподавания» своего основного методического труда Буслаев пишет:

Если справедливо, что язык в каждом возрасте жизни есть плод совокупного образования всего человека, то никак нельзя требовать, чтобы учитель отечественного языка один мог дать оное... Он не может один поставить учеников на ту степень образования, следствием коей — точный и чистый язык; а если бы он и захотел, то никак не должен, ибо язык без содержания есть ложь. И мог ли бы он в два урока на неделе усовершенствовать учеников в том, что портилось бы нерадением учителей в остальные двадцать уроков? [Буслаев 1992: 63].

Думается, портрет Ф.И. Буслаева будет неполным, если не остановиться на таком важном свидетельстве незаурядности выдающегося педагога, как его взаимоотношения со студентами. О них говорит

многочисленные отзывы учеников Федора Ивановича, в том числе выдающихся деятелей русской науки, среди которых В.О. Ключевский, обязанный Буслаеву «в своем научном образовании» [Чтения 1898: 53]. Отзывы Ключевского интересны тем, что свидетельствуют о влиянии Буслаева не только на студентов-филологов: слушать лекции профессоров-лингвистов обязаны были и историки, и математики, и юристы. Причем для многих из них это становилось не обязанностью, а потребностью, так велико было нравственное влияние Федора Ивановича.

В своих отношениях со студентами, которых Буслаев старался поднимать до себя, поражает удивительный демократизм большого ученого, который обладал удивительной силой притяжения как во время читаемых им лекций, так и в неформальном общении — и в перерывах между занятиями, и у себя на квартире, во время традиционных еженедельных приемных дней.

Всякого вновь приходящего хозяин спрашивал о факультете и цели прихода. Если это был юрист или математик, пришедший за лекциями или справкой, он устраивал его сейчас же за общим столом; если это был филолог, имеющий намерение заниматься серьезно, но не знающий, за что взяться ему, хозяин уводил его предварительно в кабинет, подробно расспрашивал его о подготовке, о намеченной цели, давал ему советы, снабжал его книгами, знакомил со своей богатой библиотекой.

Пятница была приемным днем Буслаева не для одних студентов, и посетителей у него была масса: приходили кандидаты, учителя, магистранты, литераторы... [Кирпичников 1898: 164].

В воспоминаниях, созданных уже после того, как Буслаев оставил (по здоровью) профессорскую должность (эти воспоминания в связи с потерей ученым зрения записывали его близкие и ученики), Федор Иванович так характеризовал свои взаимоотношения со студентами:

Я был довольно опытен в университетском преподавании и умел владеть вниманием студентов своей аудитории; впрочем, на расположение равнодушной толпы никогда не рассчитывал и вполне довольствовался сочувствием немногих избранных, настоящих моих учеников, которые любовно и преданно ценили мои труды и исследования в непечатах еще тогда сокровищах русской старины и народности [Буслаев 1897: 333].

А сами его слушатели оценивали манеру преподавания Буслаева так:

Что меня более всего поразило, так это то обстоятельство, что способ чтения Буслаева не походил на чтение других красноречивых профессоров. Там было искусство, здесь естественность, там декламация, здесь как бы простой рассказ... Я не знаю, изложил ли он когда-либо десяток-другой фраз спокойным, безрадостным, докторальным тоном? Едва ли. Пока он говорил, он был одушевлен... Спокойное, плавное, размеренное и догматическое изложение мыслей было ему не по душе. Он излагал их в форме беседы: задавал вопросы, давал на них ответы, варьировал одну и ту же мысль в разных выражениях, возбуждал сомнения и недоумения в уме слушателей, затем разрешал их и т.д. Видимо, он хотел, чтобы аудитория не воспринимала только готовое, а мыслила, умственно работала вместе с профессором [Танков 1898: 842–845].

Хочется завершить рассказ о Федоре Ивановиче Буслаеве его словесным портретом, оставленным А.А. Танковым. В этом портрете и величие личности ученого, и отражение любви к дорогому учителю, уважение и преклонение перед его памятью:

Стоило один раз в жизни видеть Буслаева, чтобы потом его образ запечатлелся в душе навсегда. Высокого роста, сановитого сложения, представительной наружности, он казался моложе своих лет. Ему в то время шел 58-й год, но живость и энергия, присущие его характеру, не допускали и мысли о преклонном возрасте профессора. Необыкновенно благородно было выражение его лица, обширный ум выражали его глубоко лежавшие глаза, открытое высокое чело вполне гармонировало с правильным овалом лица, шла к нему и небольшая бородка темных с проседью волос... Но что обаятельнее всего было в нем, чего не передает никакая фотография, никакой портрет: когда он был оживлен, то все лицо светилось особою духовною красотой [Там же: 842].

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко М.А. Иринарх Иванович Введенский — педагог, писатель, переводчик (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2013. — № 7. — С. 41–47.

Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. — М., 1897.

Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей. — М., 1858.

Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. — М., 1992.

Виноградов П.А. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской III гимназии (1839–1889 г.). — М., 1889.

Виноградов П.А. Педагогические заветы Ф.И. Буслаева // Памяти Федора Ивановича Буслаева. — М., 1898. — С. 45–53.

Войнаховский К.К. Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева. — М., 1898. — С. 61–116.

Кирпичников А.И. Ф.И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов // Памяти Федора Ивановича Буслаева. — М., 1898. — С. 148–198.

Танков А.А. Воспоминания о Буслаеве // Исторический вестник. — 1898. — Кн. 2, IV.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — Ч. 2. — М., 1898.

REFERENCES

Bondarenko M.A. Irinarkh Ivanovich Vvedenskii — pedagog, pisatel', perevodchik (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, No. 7, 2013, pp. 41–47.

Buslaev F.I. Moi vospominaniya, Moskva, 1897.

Buslaev F.I. Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka: Study guide for teachers, Moskva, 1858.

Buslaev F.I. Prepodavanie otechestvennogo yazyka, Moskva, 1992.

Vinogradov P.A. Kratkii istoricheskii ocherk pyatidesyatiletiya Moskovskoi III gimnazii (1839–1889 g.), Moskva, 1889.

Vinogradov P.A. Pedagogicheskie zavety F.I. Buslaeva, in *Pamyati Fedora Ivanovicha Buslaeva*, Moskva, 1898, pp. 45–53.

Voinakhovskii K.K. Znachenie trudov akademika F.I. Buslaeva v istorii nauki o russkom yazyke, in *Pamyati Fedora Ivanovicha Buslaeva*, Moskva, 1898, pp. 61–116.

Kirpichnikov A.I. F.I. Buslaev kak ideal'nyi professor 60-kh godov, in *Pamyati Fedora Ivanovicha Buslaeva*, Moskva, 1898, pp. 148–198.

Tankov A.A. Vospominaniya o Buslaeve, in *Istoricheskii vestnik*, 1898, P. 2, IV.

Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, P. 2, Moskva, 1898.